

Песни ярости

"Ремень, на котором висит ружье, натирает мне шею и лопатки..."

Моник Виттиг

"Вергилий, нет!"

Я зашью раны на твоём теле своим волосом

и поцелую — чтобы они зажили

Моя чернобровая спутница поднимается

моя чернобровая спутница размыкает глаза свои

И я вижу их они как бабочки

быстро двигаются в темноте

и мерцают

Она улыбается оголяя под сильным ртом своим острые зубы

По красной пыли мы идем

Я не вижу границы твоему телу

я не вижу границы твоим маленьким твердым пальцам

Ты говоришь что за горизонтом возможно есть что-то для нас

и таких же как мы женщин

Мы медленно движемся и за нами костры полыхают и греют наши с тобой спины

Нет ночей они кончились там

где тысячи рук опустились в опустевших заводах

Нет ночей они кончились там

где все влюбленные поели друг друга

Нет ночей они кончились там

где стрекозы и светлячки оцепенели от зарева

Нет ночей

они растворились в зареве

Теперь только красная пыль

Она не вздымается от ветра

Ветер кончился там

где застыли моря напившись нефти

Ветер кончился там

где я в ухо твое выдохнула признание

И ты подняла голову

Чтобы встретить мой взгляд

И мы увидели зарево

Я не вижу женщин на тёмных площадях

по ночам в грибообразных кронах деревьев блуждают их прозрачные силуэты

в пустых вагонах метро я зажимаю во вспотевшей от

напряжения ладони ключ

и выхожу из

подземки навстречу миру мужчин

Я вижу на них одежду стилизованную под военную форму

над ней плывут солоноватые взгляды

они скользят по моему телу

они подают мне сигнал:

ты — просто женщина

ты рождена исчезать/ты рождена растворяться в облаке пепельных дрожащих от похоти пальцев/тебя научили взмокать от одного вида их

режущего твоё тело взгляда/

страшных улыбок/выдыхать от

задышаться

По узким улицам иду в шепоте окликов эй ты

По площадям иду как будто голая

По тёмным паркам иду

и стараюсь отличить тени деревьев от теней мужчин

Иду после нежного свидания со своей любимой

И держу тепло её поцелуев на своём животе

Иду после нежного свидания со своей любимой

И помню каждый волос на её теле

Иду после нежного свидания со своей любимой

Иду

И вижу взгляд

Который она дарит мне каждый раз на прощание

Этот взгляд говорит

убей любого кто смеет к тебе прикоснуться

Моя мама стала амазонкой

она присела на валун

и разом отсекла себе левую грудь

Чтобы легче было носить лук

Чтобы нечем было кормить младенцев

её правая грудь давно превратилась в тяжёлое дерево

Так мама проснулась однажды

И решила — больше не будет с мамой

Того что было прежде

она села на поезд и ехала на запад а потом ещё немного на юг

ехала и думала: я амазонка

подо мной стальные заводы шелестят своими слоновьими шестеренками

подо мной моё злое прошлое

подо мной мои нерожденные дети

Хватит теперь я буду счастливой

Теперь я буду воинственной и красивой

Теперь я стану вонзать в животы мужчин

Свои пальцы с заточенными как ножи ногтями

любому кто не поверит что стала я амазонкой я докажу

я плюну ему в лицо

И мама села на камень

Камень казался покрытым инеем

это осколки слюды переливались в солнечном свете

Мама почувствовала прохладу

И внутри себя повторила: теперь я стану амазонкой

И рукой с черным острым ножом провела у основания груди

Кровь залила ей глаза

Боль затвердела в её теле

Она поняла что отказаться от груди мало

Ей нужно стать лесбиянкой

И она сделает это если успеет

Если будут ещё силы чтобы встать с холодного камня

И пройти пешком по пустыне

Чтобы встретиться с сёстрами

У меня было много крови

Вся она почернела от ярости

Нет у меня врагов

Все они напились моей ярости

Тот кто посмел притронуться

К моему белому телу

Белому телу нежному

Белому телу в звездочках родинок

Ты кто посмел притронуться

Станет петь в твоём горле моя ярость

я ступнями тяжёлыми железными своими ступнями пройду по пальцам твоим смевающим меня коснуться и в глаза твои поселю толпы жрущих червей и члены твои которые до сих пор испражнялись и медленно двигались отсеку и отдам на съеденье собаке и собака обезумевшая от твоего дурного мяса побежит по степи побежит вдоль дорог спотыкаясь от бешенства в глазах её станет бешенство и пропасть и собака от истощения собственной плоти упадёт и издохнет

Так кончится жизнь твоего грязного члена

Все остальное что от тебя останется

Оставляю лежать на земле под ветром

Без погребения

И придут женщины

Чтобы мочиться на твоё тело

Чтобы

плюнуть на грудь твою

Чтобы пожалеть себя

И над тобой надругаться

Лица их из земли и древесной пыли

лица их желтоваты в свете заводских фонарей

все они смотрят тысячеголовой женщиной

все они машут нам тысячесоставной рукой

Их тревога заставляет трепетать листья тяжёлых деревьев

их желудки растворяют тонны картошки и мяса

целым лицом все они смотрят на нас

И если из глаз их слеза покатится

мы все задохнёмся от соли

соль разъест нашу кожу

И если женщина потеряет хотя бы один орган своего тела

другая скажет — возьми мою грудь возьми мои пальцы

нас так много что пота и плоти хватит на всех

И никто не заметит

и ни одна не скажет

и никто не посмеет называть тебя ущербной

они спят под землёй

как большие усталые звери

кроты и землеройки кормятся их потом и отмершей кожей

я слышу как они дышат под сухой безродной почвой

иногда в степи можно увидеть в песке дупла

каждая пойдёт

вдыхая воздух

безгрудой грудью

и выдыхая

сизый дух ярости и разрушения

и они пойдут

оставляя следы

все эти женщины— изуродованные насилием. убитые. заморённые чувством вины. униженные. сломанные.

лежат в земле

идут по земле — в сад за детьми— плодами домашнего насилия.

в магазин за хлебом и молоком — чтобы накормить своего насильника

усаживаются на раздутые члены под шёпот: а говорила не хочешь, глянь какая мокрая

стонут от боли пронизывающей вагину

все они лежат в земле

могут идти по земле

могут спать

могут пить чай на кухне

проглатывать липкую сперму

все они под землёй

в темноте

и нет языка которым

опишешь ярость

она спит как уставшее животное

в их сердцах

многие разводят руками — как мы можем наказать насильника. мы не можем коснуться этого. те — кто насилывал. или насилует сейчас. те — кто станут насиловать в будущем.

кто они

мы не можем предотвратить

мы не можем ответить насилием

мы вообще ничего не можем

мы глядим в оцепенении

и ждем

когда Н училась в 5 классе мальчики из класса и параллели на переменах поджидали в темном коридоре девочек девочки боялись ходить по одиночке такой темный коридор-кишка есть в любой школе мальчики (а в 5 классе это 10 и 11-летние дети) поджидали своих одноклассниц по трое придавливали их к стене задирали им юбки и залезали руками в трусы крики девочек заглушал шум перемены крик растворялся когда девочки рассказали об этом учительнице она улыбнулась и ответила вы им нравитесь вот и все нечувствительные к насилию объясняют его симпатией или отрицают его существование когда девочки не нашли защиты взрослой женщины несколько из них спрятались в углах коридора это называется ловля на живца одна из них была живцом она ходила по коридору туда и обратно всю получасовую перемену пока маленькие насильники не пришли они пришли и окружили ее прижали к стене и тогда другие девочки вышли из темных углов и дверных проемов они подошли со спины к маленьким насильникам и били били насколько хватило сил лили им на головы сок из маленьких тетрапаков плевали им в лицо маленькие насильники плакали и жаловались родителям было разбирательство малолетние насильники кричали — это несправедливо

нет в песне их слов

только протяжные звуки

у некоторых из них нет ни груди ни зубов

многие помнят лица своих насильников

и все что с ними было сотворено

только как будто не с ними

а какими-то другими телами

другими телами чужими вагинами

чужими волосами

чужими глазами

глаза смотрели остекленевшие

и не могли плакать а только моргать и видеть

они не могли пикнуть а выли выли выли

о потере своего тела

о потере своей воли

о потере себя под землёй

они выли

и вой их не ударялся о стены не возвращался к ним в уши

он растворялся в безродной серой земле

земля растворяла тела их

земля утоляла боль

земля баюкала оцепеневших

безруких безглазых

лишь бы им не было так больно

А говорит когда раскрывают убийство женщины виновного судят только за убийство это как акция 2-ая вещь в подарок когда можешь выбрать любую вторую вещь цена которой не превышает цены первой всем насильникам

убившим женщин дарят несколько лет свободы к сроку за убийство А прибавляет из этого следует что почти все женщины которые были убиты перед смертью изнасилованы и только потом убиты

обручальное золото их

ссыпалось с пальцев

теперь темнота нам дом

теперь темнота подземная нам дом

теперь темнота подземная уродливая нам дом

моя мать сказала он бил меня всего один раз да всего один раз по сравнению с тем насильником который был у нее после развода один раз это просто пук этот пук растворился в воздухе когда она сказала я всех простила и ты научись прощать я не стану прощать

я лежу в темноте под землей

я лежу и чувствую как подо мной

другие женщины спят в темноте

сердца их шепотом бьются в грудные клетки

и перемежаются

в песне о ненависти и боли

я чувствую как над землей

я чувствую как надомной

дуют ветры полные ярости

они поют песню ярости

и зовут нас встать и пойти

за нас отомстить

за наше женское племя

он бил меня всего один раз когда узнал что я ему изменила линолеум весь был в крови и плитусы и обои
хорошо что обои розовые с имитацией мрамора подумала я тогда на них не будет видно кровь а потом когда
глаза заплыли синими пятнами когда я выплюнула на линолеум осколки передних зубов он швырнул меня к батарее
было лето и не топили батарея была холодная он содрал с меня юбку разорвал колготки вместе с трусами и
начал насиловать он насиловал меня несколько часов подряд а потом когда уже светало он принес ведро и
тряпку и велел все вымыть я еще долго не могла встать все болело слез не было я слышала как поют
птицы за окном на рассвете и как он храпит за стеной он спал я встала и вымыла полы

мы покрыты коркой

крови и спермы

она стянула кожу

она опустила нас под землю

вырастут новые груди

вырастут новые губы

волосы вырастут новые

груди черные зубы черные

волосы черные вырастут

новые черные от ярости

кровь залившая вагину

затвердеет черной коркой

неразрушимой броней

врастет в наше мясо

и на ней заблестят

чистой сталью на черном

острые длинные зубья

мы заправим юбки за пояс

чтобы не пачкать их в чужой крови

чтобы каждый встречный увидел

как покраснели ноги
до самой вагины покраснели ноги
от крови насильников

им не спрятаться будет от крови
ветер ведет нас по их следам
ветер ярости
ветер мщения
ветер поднявший нас
разметавший землю
ветер ярости
ветер мщения

неподвижные на дне равнины
смотрят вдаль
женщины ждут нового мира

руки их нальются заботой

затрепещет влажная немота межножий

когда наконец хоть кто-нибудь вернётся

из жаркой прогулки

из дымного города

из войны

из праздных гуляний по тропам твёрдым от тяжелых мужеских ног

когда вернутся они

они увидят как наши глаза иссохли мы научились видеть тонкие косые тени среди тихих деревьев

наши глаза видят как под движением лет оседает равнина

и горизонт поднимается над нашими головами

они увидят и накроют глаза наши руками и глаза воспаленные от напряжения отдохнут и станут влажными

наши глаза уже видели все

мы видели свет кончался на наших глазах и снова потом занимался

они накроют наши тела тяжелыми животами

они согреют нашу кожу своей горячей любовью
они помогут нам разродиться от тяжкого бремени ожидания нового мира
с ними мы родим новый восхитительный славный мир
драгоценных существ
драгоценных людей чьи шаги на земле оставят только свет и только чистую воду

замершие на мгновение

ветер

приносит запахи гари
приносит хлопья золы
иногда пахнет жженой кожей

ветер

шевелит челки
ласкает волоски на икрах

он поёт — никто не придёт
никто никогда не вернётся с войны

никто не вернётся с прогулки

никто не придёт домой

нужно опасть на землю

поддавшись порыву ветра

отдать земле боль ожидания

чтобы вырасти снова

врасти и пойти

убедиться

в том что мужчин не было вовсе

мы пахнем телом и землёй

тянется шлейф за нами кровавый

кровь на траве это значит мы живы

и природа жива и несёт нас на своём теле

чтобы вынести нас нужна сильная сила

мы движемся вширь и вперёд

это значит вой наш услышат услышат и ужаснутся

то не ветер в деревьях трется в шершавые дупла

то не зверь стонет в капкан угодивший

это мы дышим

это наши поры выделяют ядовитый пар нашей боли

и все меняется когда мы проходим

трава зелёная под нами наливается кровью

звери замороженные отправляются вслед за нами

и между собою становятся неразлучимы

их тела сплетаются в одно чёрное жестокое тело

с множеством лап и голов

множеством острых сосков

они идут за нами с каждым днем тела их прирастают к нам крепче

мы идем прилегая к земле нашим исхоженным телом

нечетным числом безмолчных желёз

оборванными лепестками губ

и забираем с собой все что нам на пути попадетсЯ

к нам теперь никому не прикоснуться

те кто тянули к нам руки налипли на наше тело и движутся с нами

кто на нас посмотрел с вожделением растворился в нашей черной крови и нашей черной тоской захлебнулся

и сам для себя незаметно стал нашим телом

кто видел нас краем глаза не спит спокойно он видит перед собой он чувствует запах нашего страшного тела
нашего тяжелого тела

наше тело вынести только земля сможет

когда нами покрытая станет в себя заглотиТ и взорвется

И если я не эти светло-красные

Отчаянные маки

Над провалившейся под землю

Кладбищенской землей

То кто

Их вереницы

Они своими нежными как ноготки младенцев лепестками

Трогают воздух на ветру

И если я не они то кто

Над отцовой могилой трепыхаюсь как пламя цветов

Черные мухи садятся мне на лицо

Липкая степь засасывает мой взгляд

Кто я

Если не светло-красные маки

Нет не алые

Светло-красные

Просвечивают на солнце

Оставляют нитяную тень на сухой земле

Кровь поблекла

Кровь прорастает сквозь землю